

Если культура есть все то, что творит и развивает человека, а философия — то, что дает понимание человека, то есть понимание того, что есть человек и каково в нем соотношение духовной и материальной сторон (начал), то философию можно (и нужно) признать ядром культуры. Философия является ядром культуры именно потому, что дает *понимание человека*. А культура в соответствии с этим пониманием творит человека.

Надо сказать, что философия не одна образует ядро культуры. Вместе с ней в ядро входят мифология и религия, которые, до появления философии, на протяжении тысячелетий первобытной и ранней классовой культуры образовывали ее духовное ядро, давая, каждая свое, понимание человека. Однако, с появлением философии они вынуждены потесниться и дать место и философии. И, чем выше становится образованность людей по мере исторического развития человечества, тем все большую роль в понимании человека начинает занимать философия, и, вследствие этого, тем больше она оттесняет на второй план мифологию и религию. Хотя, можно полагать, философия, входя в ядро культуры, всегда будет сосуществовать в этом качестве с мифологией и религией и никогда не сможет их полностью вытеснить.

Н. В. Сапожникова
Нижевартовск

ЭПИСТОЛЯРНЫЙ ДИСКУРС КАК МАРГИНАЛЬНО-ВНЕТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ФОРМА РЕФЛЕКТИВНОГО ТВОРЧЕСТВА

Когда-то письмо являлось своего рода визитной карточкой, адрес-календарем столетия, расширяя не только географию почтовых штемпелей, но и возможности вписать себя в историю русской исторической и философской мысли. Поэтому исчезающая сегодня подобная разновидность межличностной коммуникации, думается, *всегда* историческое свидетельство, *выражающее дух* своего времени или *безвременья*. Для XIX века с его торжеством эпистолярной рукописной культуры она стала неким знаковым символом приобщенности личности к историческому «метамасштабу» (нередко подражательному) с демонстрацией на *уровне повседневного письмописания* возможностей саморефлексии на извечные темы поиска смысла жизни и смысла бытия, что стимулировалось крайне специфическими особенностями самой российской действительности.

Через ситуационные, эмоционально-оценочные, психолого-корреляционные характеристики разных периодов жизни человека, страны и судьбы самого текста проблема амбивалентной, полярно направленной природы человека с жесткостью «логики» выбора между добром и злом, относящаяся к одной из главных в философской антропологии, получила свое особое, «*русское*» звучание, а само столетие в этом плане оказалось для России поистине *рубежно-осевым*.

В своем эпистолярно-философическом цикле П. Я. Чаадаев, приоткрыв бездонно-непрозрачные глубины духовного мира человека в их соотносительности с метафизической идеей Бога и трагической неприкаянности человека в российской истории, впервые озвучил формулу «русский — синоним философствующий» как свидетельство особой широты русской души. Позже это сподвигло другого философа-писателя Ф. М. Достоевского на ее корректировку: «Широк русский человек — надо бы сузить».

За разными эпистолярными текстами скрывается и различная психологическая мотивация автора как результат действия разнообразных когнитивных структур. При этом само письмо — не только некая имманентная сущность, но элемент целой системы. Часть не столько картины мира, сколько модели, *образа мира*, который движется, живет, взаимодействует, чувствует, любит и ненавидит. Слово-символ, слово-жизненная экспозиция с ценностно-смысловым выбором-ротацией в зеркальности процессуально-иллокутивного акта «авторского намерения» рождает особую реальность вербального мира через максимальное самораскрытие полноты и глубины человеческой мысли, ищущей понимания и становящейся благодаря письму «живой» диалогической речью, способной к новым смысловым интерпретациям.

Онтологию письма можно выделить в особый раздел теории, обладающий эвристически ценностным, интерпретационным и экзистенциально-философским ресурсом. В широком смысле слова, онтология есть учение о бытии как таковом, т. е. обо всем том реально существующем, что непосредственно или опосредованно выходит на бытийные аспекты присутствия человека в этом мире. А существующие явления имеют конкретное содержание, свои законы, форму проявленности. Последняя может быть не просто многомерной, но и непостижимо «нелогичной» (на чей-то взгляд) в ее соотношении с конкретной эпистолярной практикой. Поэтому изучение свойств онтологических форм и отношений между ними, как правило, сопровождается абстрагированием от конкретного содержания самих явлений. В нашем случае речь идет о

эпистолярно-дискурсивной модели, заряженной энергией вербально-коммуникативного «действия» и специфично-ментальной его «огранкой».

Это позволяет ощутить в эпистолярном тексте «личностно-пульсирующий нерв» — *«проявленно-проговоренный»* уровень бытия, ибо общеизвестно: невыговоренное бытие — непрозрачно для сознания. В результате нарративно-текстовой бифуркации с переходом в *«какое-то»* новое качество мышления письма могут приобретать характеристические свойства философского текста, способного переживать масштабный трансформационный генезис. В подобном допущении эпистолярный дискурс *как маргинальная внетеоретическая форма* рефлексивного творчества перерастает собственные процессуальные уровни, становясь *метаэпистолярием* (постэпистолярием) с непредсказуемой порой метафористической и метафизической проявленностью жизни эпистолярной мысли.

Внетеоретическая форма отлична от строго научного знания, не вписываясь в жесткие каноны научной рациональности. Это тот пласт знаний о мире, «как о себе», который доступен каждому из повседневного наблюдения и чувственного опыта (т. н. «Я-бытие»). В отличие от «строгой науки», ее пороговый пласт знаний до некоторых пор не актуализирован, но при определенных условиях бывает востребован и озвучен в ситуациях т. н. «предельной исторической тревожности».

К формальным признакам «эпистолярного философствования» относится конверсионный уровень текстово-рефлексивного *самопознания*, что расценивалось Сократом в качестве начала всякой добродетели, а Кантом — вообще всей человеческой мудрости. Авторы писем, как правило, далеки от «целенаправленного» процесса философствования. Самим их эпистолярным текстам присущи бытийная глубина, умение сострадать, логосная раскрепощенность, обилие эмоционально-оценочных и аналитико-сравнительных параллелей, метафоричность и метанимичность языковых форм, гармонично встраиваемых в экзистенциальную среду. «Эпистолярное философствование» насквозь антропологично, испытывая на себе влияние языческого пантеизма и пан-морализма, почему в письмах так велика тяга к морально-нравственной, а также оккультно-мистической, сказочно-утопической проблематике с демонстрацией концептуально-вселенского, «сказочного» подхода в решении насущных проблем бытия. Его особенностью в России, в отличие от европейской эпистолярной практики, являлась специфичная среда «адаптации», когда, с одной стороны, на русской почве западная

философская мысль «проживалась», трансформируясь в слово-программу, логос-действие, в том числе с его экзистенциально-адреналинной лексикой («хождение в народ», «кровь по совести», «герой и толпа»), демонстрируя парадоксальность процесса историософизма на уровне «эпистолярно-рефлексивного бытования». С другой, именно через письмо велся диалог поколений, политических единомышленников и идеологических противников, делая само письмо носителем высших надэмпирических оснований историософского генезиса.

Очевидность ответа на вопрос, всякое ли письмо является философским, рождает новый уровень осознания уникальности любого эпистолярного текста, написанного, казалось бы, по «случайному» для его автора или адресата поводу. Процесс «письмописания» при всех условиях сопровождается реминисценциями, позволяющими адресату-интерпретатору прийти к пониманию того, что *всякое письмо — это особая философия жизни* через самопроявленность личностного «Я» в какой-то из периодов его «бытования» в момент «заданности» и «данности», через форму обращения к конкретному адресату, способы письма и «эпистолярного поведения» автора: каноны и стили, общепринятую стилистику, осознанное или неосознанное их нарушение или игнорирование, последующую судьбу текста и самого его творца. И в этом проступает весь человек, его линия поведения и жизненная логика с мудростью прозрения и (или) выбора, что также есть специфично рефлексивный акт, способный приобретать нередко апофеозный смысл. Для М. М. Бахтина в философии поступка *текст неразрывно связан с живой речью ответственно поступающей личности*. Но и сам язык инструментален по природе как определенная система символов и знаков, как явленная человеку «скрытая» философская система.

Если же рассматривать философскую культуру как открытую систему, взаимодействующую с другими сферами, то ее значение на бытийном уровне связано с проблемой смыслового генезиса и ориентации на постижение глубины различных видов деятельности, в т. ч. таких специфичных, как «писание (а не только написание) писем». Здесь и выявляется метафизический потенциал как авторов, так и самих текстов — в постановке проблемы, установлении взаимосвязи «нефилософских» феноменов и элементов философской культуры, умении оформить свою мысль, переадресуя ее иному уровню восприятия другим «я». При этом саморастворение личности в переписке («Я»-автора, «Ты»-адресата, «Другого»-читателя-исследователя), смысловое наполнение процесса

письмописания как систематического занятия и как труда «кончиков пальцев» (когда можно «думать» при помощи руки) создают новые транскрипционные модули.

Механизмами трансформации могут стать перекодировка источников и текстового содержания с их взаимозамещением и универсализацией жанровой презентации; слиянием речи внешней и внутренней, письменной и устной, монологической и диалогической; метафоризацией и антропологизацией эпистолярных образов; переводом биографического контекста в метафизический подтекст; превращением эпистолярного дискурса в транслятор, генератор и аккумулятор эпистолярно-философской мысли; хронотопно-социокультурным моделированием и выявлением психолингвистического, риторического, символического, семантического ресурсов с возможным *взаимозамещением* дискретных составляющих таких дефиниций, как «общественное сознание» и «общественное мнение» и т. д.

Поэтому выбор тематики обсуждения, осознание уровней человеческого существования и граней самой философской культуры, права личности на достоинство, поиск смысла жизни и границ бытия — генеральные направления трансформации письма в философские тексты, где и выявляется метафизический потенциал как авторов, так и самих нарративных форм. Тогда, собственно, эпистолярный дискурс как внетеоретическая форма рефлексивно-творчества и перерастает собственные процессуальные уровни, вбирая в себя как *макросы*, так и *микросы* парадигмального освоения мира, помогая *человеку пишущему взрослеть* через «размышляющее эпистолярное общение».

Процесс «*парадигмального освоения мира*» есть смена картины мира с «ожиданием Приходящего» и возвратом к парадигма-парадоксу Ответственности (а не просто кредитования доверия) Протагора: «Человек — мера всех вещей», что, собственно, и является *первым макросом*. Условием этого парадигмального «контраст-диалога» является самовоспитание человека до уровня исторически рефлектирующей личности, осознающей меру ответственности (бахтинское: «ответственно поступающая личность») за собственную судьбу и судьбу мира через Другого, когда, по Достоевскому, «каждый ответственен за судьбу другого. Я больше других».

Вторым макросом выступает способ эвристического моделирования посредством письма мира человека — мира «*одушевленной философии*», так остро необходимой сегодня. Сам эпистолярный становится особым «полем жизненного напряжения», когда

язык выступает как форма жизни, а логос — ее первоосновой. Тем самым в качестве *третьего макроса* выделен *процесс написания письма как процесс Со-Творения мира*, когда «рукописи не горят», что демонстрирует бесконечность космической циркуляции жизни, духа, знания и на что в свое время обращал внимание еще Аристотель.

Уподобление личности тексту повышенной сложности как некой матрицы глубинного постижения сути «вселенского замысла» под название «человек» можно отнести к *следующему макросу*. Серьезное его изучение возможно не только на рационально-теоретическом уровне, но и на внетеоретическом, каким является эпистолярно-дискурсивный, способный трансформировать письмо в метаэпистолярный как базовую ценность для самораскрытия личности на уровне формирования ее творческого кредо в момент пик переживания, давая личности шанс не сломаться, а вырасти через процесс рефлексирующего преодоления-зрелости.

Поэтому под *микросами* мы понимаем те первооснования в эпистолярно-дискурсивном моделировании и текстовой интерпретации, когда важно осознавать меру ответственности не только за произнесенное слово, но слово написанное («Нам не дано предугадать...»), требующее дополнительного прочтения его «неединожды», герменевтически «истолковывая», т. е. интерпретируя, участвуя в процессе со-написания. Человек пишущий, читающий и интерпретирующий, таким образом, сливаются в данном процессе как едином образе. Поэтому-то микрос-формула «русский-синоним философствующий» и обнаруживает тенденцию к макромизации присутствия человека в мире открываемых им символов, смыслов, «разгадываний», вырастая в очередной феномен загадки русской души. И если человек — это *микрокосм*, то письмо становится своеобразным *мезокосмом* с последующей своей трансформацией в новое эпистолярно-дискурсивное свое качество как *метакосм*..

Осознание всепроникающей метафизической универсализации эпистолярного дискурса позволяет увидеть расширительные горизонты философского творчества XIX в. и описать сам процесс осознания их безграничности как эпистолярно-антропологический модус бытия с дихотомией «полифонического» и «монологического», взаимодействием-интервенцией мировоззрений и персоналистических позиций-философий через авторско-корреспондентское «Я». Это позволяет более рельефно визуализировать структурно-генетическое ядро эпистолярного дискурса как историософского акта «*cogito*» с трансформацией на эмпирическом уровне историо-

софско-антропологического «ноумена» («вещи в себе») уже в качестве феномена конструирования «микромира» письма и «макромира» человека его пишущего. Тем самым эпистолярный дискурс «диалектично одухотворяется» самой практикой *на-писания, со-переживания, со-размышления, со-творения и дальнейшей ее «интерпретационной интриги»*, принимая феноменологические образы самораскрытия «*тела письма*», «*эха письма*» и «*духа письма*» в их ретроспективно-историсофском отражении как одном из вариантов «воспоминания о будущем». В нем противоречиво непоследовательно присутствуем и мы, но, к сожалению, уже в «развоплощенной», расколдованной коммуникации с прошлым, где не остается времени оставаться не только наедине с собой, но и просто собой. Немецкий философ Эрнст Хофнер заметил, ссылаясь на изречение грека-философа («Жизнь без праздников похожа на путешествие без приюта»): Создай для себя во время тяжелого путешествия без отдыха пристанище для души — в письме» (1). Но этот «приют» мы сегодня потеряли. Хочется надеяться — когда-нибудь он примет нас у себя.

1. Грюн Я. Искусство жизни. М.-СПб., 2004. С. 129.

Н. А. Симбирцева
Екатеринбург

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА

Анализ литературно-художественного произведения в культурологическом аспекте становится неотъемлемой частью представления поэтически оформленного текста в качестве явления культуры в целом. Произведение литературы не является сугубо литературным текстом. В качестве литературного текста может выступать и критическая статья, и газетная информация, и содержание учебника, в которых логически выражается некий законченный смысл. Текст художественного произведения всегда больше и глубже собственно литературного текста, т. е. его материальной оболочки. Слово может вызывать культурно-исторические, мифологические, музыкальные и другие ассоциации. Этот текст представляет собой модель художественного культурного пространства, пребывает в поле культурного пространства и формирует специфическое культурное пространство вокруг своего автора.

Мир художественного произведения всегда целостен, завер-